

инства крещения. Возможно, торжественное крещение проходило четыре раза в год в епископальном комплексе и при личном участии самого епископа, но в другие дни желающие могли принять «индивидуальное» крещение. В Херсонесе было реализовано право приходского священника совершать крещение, полученное им с IV в. В основном крещение проходили дети, хотя существовали прецеденты крещения взрослых, постепенно совершавшегося все реже и реже. Разнообразие форм крещения (погружение, обливание, укрепление), существовавшее в Византийской империи, нашло свое применение и в Херсонесе, о чем свидетельствует многообразие архитектурных форм крещален.

Возможно, что массовое строительство в конце VI–VII вв. множества помещений для крещения и купелей было ориентировано прежде всего на крещение детей, но при этом не исключало и даже предусматривало, как в баптистерии при Уваровской базилике, крещение взрослых неопитов.

С. Б. Сорочан

Харьков, Украина

О МАРТИРИИ СВ. МУЧЕНИКА КЛИМЕНТА РИМСКОГО ВБЛИЗИ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА

Среди христианских сакральных памятников византийского Херсона в прямом смысле особняком, вдали от города находились следы одного из них, к сожалению, в настоящее время исчезнувшего. Небольшой загородный христианский храмовый комплекс был построен на древнем насыпном островке, который узким перешейком сообщался с берегом оконечности Казачьей бухты, четвертой к западу от Херсона, и соседствовал с Маячным полуостровом. Уже к VI в. здесь не было ничего, кроме развалин древнего укрепления, остатков античных сельских усадеб и межевой системы¹. Чтобы попасть сюда из города, надо было потратить не менее двух часов ходьбы либо около часа плыть морем. Само расположение церковного па-

---

¹ См.: *Щеглов А. Н.* Основные структурные элементы античной межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым) // *История и археология Юго-Западного Крыма*. Симферополь, 1993. С. 10–38; *Щеглов А. Н.* «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: топография и фортификация // *Проблемы истории и археологии Крыма*. Симферополь, 1994. С. 8–41; *Николаенко Г. М.* Херсонес Таврический и его хора // *ВДИ*. 1999. № 2. С. 97–120; *Николаенко Г. М.* Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н. э. Симферополь, 1999. Ч. 1. С. 54–56, 70–71, рис.40, 62, 66.

мятника в столь необычном, казалось бы, забытом месте указывало на его связь с некой важной святой реликвией, здесь хранившейся. Но если в отношении ее исследователи уже давно высказали свои соображения, пользуясь, по выражению Патрика Сен-Рока, надежным «топографическим ключом»¹, донесенным агиографией, то время строительства комплекса, основания для датировки, история развития памятника, уточнение его характера в раннесредневековую эпоху остаются в числе научных задач церковной и византийской археологии, нуждающихся в решении. Сочетание топографического, архитектурно-археологического и историко-археологического методов исследования, как кажется, позволяет их решить или, по крайней мере, продвинуться по этому пути.

Наиболее раннее описание обнаруженного дал академик Петр-Симон Паллас, посетивший Маячный полуостров в 1793–1794 гг. Оно настолько любопытно и полно исчезнувших со временем подробностей, что заслуживает быть приведенным целиком, с незначительными сокращениями. «Первое, что бросается в глаза, когда вступаешь на этот маленький полуостров, – писал российский академик, – есть островок, соединенный с землей болотистым перешейком, в вершине длиннейшего залива бухты... Я не могу отказать себе в сообщении плана этого укрепления, состоявшего из больших сооружений, из которых целы только нижние... Самый островок «а» имеет сухой грунт, возвышенный над морем; перешеек же «в», соединяющий его с материком, – низмен и заливаается волнами, когда ветер дует в бухту (то есть с севера. – С. С.). Эта плотина (может быть искусственная) также была укреплена стенами, из которых одна еще очень видна и присоединяется к твердой земле четырехугольной башней «с». Самое сильное укрепление находится однако на острове и состоит не только из каменных стен, но и башень, основания которых еще видны: одно из этих оснований у ворот, три на восточной стороне, – все четырехугольные, – и одно на юго-западном углу «д». На последнем, кажется, стояла круглая башня, которая теперь представляет одну груды мусора. От этого самого угла шла стена вплоть до моря»². Таким образом, из наброска следует, что загадочное сооружение на острове находилось внутри древней, оставшейся от антич-

---

¹ *Saint-Rock P.* Le cimetière de Basileus ou coemeterium sanctorum Marci et Marcelliana Damascque. – Città del Vaticano, 1999 (Roma Sotterranea Cristiana, XII).

² *Pallas P.-S.* Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reiches in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1801. Bd. 2. S. 24, Abb. 2; S. 67–69; Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах: Пер. с нем. (первая половина) // ЗООИД. 1881. Т. 12. С. 102–103.

ной эпохи ограды и ее следы были достаточно заметны даже без раскопок. Через 26 лет ничего этого уже не смог разглядеть высокообразованный путешественник И. М. Муравьев-Апостол, который лишь отметил небольшое пространство острова протяженностью около 50 метров («не более 12 саженей во все стороны») и «груды камней, доказывающих, что тут некогда было строение»¹. Даже раскопки поручика Карла Крузе, плантора Черноморского департамента Корпуса корабельных инженеров, впервые проведенные на островке в 1832–1833 гг. по поручению обер-интенданта Черноморского флота Н. Д. Критского, не дали результатов, во всяком случае с точки зрения их руководителя, который констатировал, что «важного» ничего не нашел².

Еще через десять лет археолог – любитель, бывший капитан Гранга З. А. Аркас, оставивший одно из первых описаний древностей Гераклейского полуострова, уточнил, что окружность этого острова 60 саженей (около 128 м, 1304 м² – 0,13 га) и он соединен с берегом насыпью, простирающейся не более 3 саженей (около 6,5 м): «берег его местами наравне с водой», а также сделал очень ценное наблюдение о том, что остатки фундамента сложены на «цементе», то есть на цемянковом растворе, какой применяли в строительном деле римского и раннесредневекового Херсонеса³.

Лейтенант Черноморского флота, князь Виктор Бярятинский, другой известный археолог – любитель, раскопал в 1845 г. юго-восточную часть островка, нашел остатки девяти средневековых помещений и маленькой церкви, причем в одном из помещений оказалась могила с четырьмя костяками, накрытая каменной плитой в 1,4 аршина длины и ширины (0,9 × 0,9 м) с вырезанными на обеих сторонах по одному кресту и медная монета «с якорем» («ро»), то есть конца XI–XIII вв.⁴ В углу около алтаря находилась

---

¹ *Муравьев-Апостол И. М.* Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823. С. 76–77.

² *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002. С. 514.

³ *Аркас З.* Описание Ираклийского полуострова и древностей его. История Херсонеса. Николаев, 1879. С. 20.

⁴ *Айналов Д. В.* Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. М., 1905. Вып. 1. С. 140. К. К. Косцюшко-Валюжинич, упоминавший об этих находках князя, назвал монету с «ро» «византийской монетой Романа I» (Производство археологических раскопок в Херсонесе // ОАК за 1890 год. СПб., 1893. С. 36), что заставляет с неуверенностью отнести к тем случаям, когда он ссылается на обнаружение таких монет при раскопках городища и некрополя. На деле «монеты Романа I», по крайней мере их часть, могли быть гораздо более позднего времени (ср.: *Сорочин С. Б.* Последний монастырский храм с баптистерием в поздневизантийском Херсоне // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. 2004. № 633. Історія. Вип. 36. С. 210–222).

большая мраморная плита с рельефным крестом и маленькой круглой дырой почти в центре. Но она закрывала не гробницу, как оказалось, а емкость — фиал с чистой пресной водой, что заставляет вспомнить представлявшееся исключительно легендарным свидетельство «Мучения св. Климента» о чудесах исцеления паломников от «тяжких болезней» посредством питья воды и окропления ею, то есть о наличии на месте мемория агиасмы¹.

Результаты этих исследований нашли отражение в письме швейцарского путешественника де Бро в Одесское общество любителей истории и древностей (май 1847 г.), в котором он упомянул, что на земле, принадлежавшей К. Крузе, к тому времени уже инженеру в отставке, В. И. Барятинским были открыты куски мрамора, стены, которые были приняты за остатки укрепления и церкви².

Доследования острова, проведенные более чем через 40 лет, в 1890 г., привели К. К. Косцюшко-Валюжинича и А. Л. Бертье-Делагарда к мысли, что он был насыпан одновременно с постройкой античной крепостной системы из двух линий оборонительных стен с башнями на перешейке Маячного полуострова и на нем помещалась крайняя квадратная башня восточной стены укрепления V–IV вв. до н. э., известного среди специалистов как «Старый (древний)» или «Страбонов Херсонес». Затем здесь в «византийскую эпоху» был сооружен «христианский храмик или вернее монастырек», а древние стены при этом оказались разрушены или приспособлены для других целей³.

Сакральный архитектурный комплекс представлял собой обнесенный стеной — периволом двор площадью около 480 м² (21,7 × 22,2 м), с восточными воротами, группой небольших зданий с помещениями для немногочисленных служителей, вероятно, из числа монахов одного из херсонских монастырей, и крохотной церквушкой (*templum*) с верхним ярусом и нижним, подземным, в котором была устроена гробница (*арха*)⁴. По убедительному предположению, высказанному А. Л. Бертье-Де-

---

¹ Херсонские святители: Мучение св. Климента. Греческий текст с рус. пер. Ф. Терновского // ЗООИД. 1877. Т. 10. С. 158, 159.

² Тункина И. В. Русская наука... С. 521.

³ Производство археологических раскопок... С. 36–37; Косцюшко-Валюжинич К. Важное археологическое открытие в Крыму // ИТУАК. 1891. № 13. С. 59; Бертье-Делагард А. Л. Древности южной России. Раскопки Херсонеса // МАР. СПб., 1893. № 12. С. 58–63.

⁴ В отличие от большинства других исследователей, проф. Д. В. Айналов полагал, что на острове был не «монастырек», а особое сакральное место, при котором жили монашествующие (Айналов Д. В. Развалины храмов. С. 139).

лагардом и подкрепленному источниковедческими исследованиями Д. В. Айналова, в ней хранились мощи св. муч. Климента Римского, с помощью Константина Философа открытые на этом островке (*ad insulam*, «блаженном отоке») 30 января (3 февраля по григорианскому календарю) 861 г. и перенесенные в город¹.

Описание сооружений сохранилось в сочинении епископа Херсонского Ефрема (по рукописи XII в.), где храм назван «святым памятником» (*τῆς τοῦ ἁγίου μνήμης*)². Речь идет о помещении, комнате в виде мраморного наоса и лежавших в каменном гробу мощах (*ἐν σχήματι ναοῦ μαρμαρίνου οἴκημα καὶ αὐτόθι ἐν σορῶν λίθινῃ*)³. Существует предположение, впервые высказанное В. Г. Пуцко и поддержанное некоторыми исследователями, что этот «каменный гроб» имел вид украшенного резными крестами саркофага константинопольского типа и в 989 г. вместе с мощами св. Климента и св. Фива, ученика Климента, был вывезен князем Владими-

¹ Vita cum Translatione S. Clementis // Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. М., 1911. Вып. 2. Р. 142–147, § 3; Слово на перенесение мощей преславного Климента // Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. М., 1911. Вып. 2. С. 127–130, гл. 3–10; Слово на перенесение мощей Климента Римского: Пер. И. Калиганова // Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX–XVIII веков. М., 1990. С. 312–314; Ягич И. В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа, первоучителя славян, св. Кирилла // Записки имп. АН. СПб., 1893. Т. 72. Кн. 1. Прил. 6. С. 5–7 (латин. текст), 9–11 (пер.), § 2–3. См.: Производство археологических раскопок в Херсонесе // ОАК за 1890 год. С. 36–37; Бертье-Делагард А. Л. Древности южной России. Раскопки Херсонеса. С. 58–64; Айналов Д. В. Развалины храмов. С. 139; Маркевич А. И. Островок в Казачьей бухте как предполагаемое место кончины св. Климента // ИТУАК. 1909. Т. 43. С. 105–114; Айналов Д. В. Мемории св. Климента и св. Мартина в Херсонесе // Древности. Труды Московского археологического общества. 1916. Т. 25. С. 69–76. Эту точку зрения разделяют современные исследователи, в том числе наиболее крупные специалисты-кLEMENTОВЕДЫ, Амвросий Эссер и Юганн Хофманн (*Esser A. Wo fand der Hl. Konstantin-Kyriell die Gebeine des Hl. Clemens von Rom // Cyrillo-Methodiana. Köln, 1964. S. 141–146; Hofmann J. Unser heiliger Vater Klemens. Trier, 1992. S. 62 s.; Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. С. 661–663*); Крестный путь святого Климента: Рим – Херсонес / Сост. Т. Яшаева, М. Мотовилина. Севастополь, 2001. С. 2–14).

² В своем фундаментальном агиологическом исследовании И. Я. Франко относил составление сочинения епископа Ефрема «ко времени упадка литературного вкуса, в VIII или IX веках» и полагал, что оно, несомненно, уже существовало к началу X в., но самого Ефрема не считал херсонитом, указывая на «полное отсутствие местного колорита» в рассказе (*Франко І. Святій Климент у Корсуні // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1903. Т. 56. Кн. 6. С. 173, 176–178*).

³ Херсонские святители. Святого священномученика Ефрема, епископа Херсонского, сказание о совершившемся над отроком чуде священномученика и апостола Климента. Греч. текст рукописи XII в. с рус. пер. Зикфоса // ЗООИД. 1875. Т. 9. С. 137.

ром из Херсона в Киев, после чего через 65 лет послужил саркофагом для князя Ярослава Владимировича (1019–1054), будучи установлен в киевской церкви Св. Софии¹. Во всяком случае, очень похожий гроб-реликварий был изображен на миниатюре из синаксаря в Минологии Василия II конца X – начала XI вв., в сцене чудесного обретения мощей в Херсоне Константином Философом и Мефодием².

Войдя в храм верных (*ναός*), посетители направлялись к «святой гробнице» (*τοῦ ἁγίου λάρνακι*), к которой, как следует из результатов раскопок, вел особый узкий ход, поддерживаемый аркадами, и затем тем же путем выходили обратно³. Уже одно это обстоятельство позволяет видеть во всем ансамбле типичный пример «паломнической архитектуры», как известно, сформировавшейся в эпоху Юстиниана, и подозревать, что по крайней мере часть помещений предназначалась не только для монашествующих, число которых едва ли превышало несколько человек, но и для приема странников, приходивших в одиночку или небольшими группами⁴. Полы во всех помещениях были каменными, залитыми цемянкой, а в святилище, алтарной части гробничной церкви выложены небольшими мраморными квадратными плитками. К слову, многочисленные обломки мраморного интерьера, фрагменты колонн, плит (античного облика и с крестами), множество мелких мраморных осколков наводят на мысль, почему через все источники, составленные в IX–X вв. и позже, настойчиво проходит мотив «мраморного храма» (*μαρμαρέο templo*, «марморяна храмина»), вероятно, имевший не только легендарную основу, как полагал И. Я. Франко⁵.

Двор священного места и пол крипты с каменным саркофагом-реликварием (*ἐν σορῶ λίθινῃ*) находились почти на уровне моря и покрывались водой

---

¹ Пуцко В. Мраморный саркофаг Ярослава Мудрого // ВВЛ. 1986. Т. 8. С. 301 сл.; ср.: Jastrzebowska E. Der Sarkophag des Jaroslav in Kiev // Akten des Symposiums «Frühchristliche Sarkophage», Marburg, 30.6–4.7. 1999. Mainz, 2002. S. 129–135; Jastrzebowska E. Il culto di S. Clemente a Chersoneso alla luce della ricerca archeologica // Studi su Clemente Romano. Roma, 2003. P. 136–137, fig. 16.

² Dujčev I. Une miniature byzantine méconnue avec les images de Cyrille et Methode? // Byz. 1966. Vol.36. P. 51–73; Hofmann J. Op. cit. S. 56, Abb.2; Jastrzebowska E. Il culto... P. 128, fig. 2.

³ Херсонские святители. Святого священномученика Ефрема... С. 139.

⁴ Подробнее см.: Akten des XII. internationalen Kongresses für christliche Archäologie. Bonn, 22–28. September 1991. Città del Vaticano; Münster, 1995. Bd.1–2 (особенно выступление Р. Краутхаймера о массовых паломничествах «маленьких людей» и доклад Б. Бренка о местах культа и их посетителях).

⁵ Франко І. Святий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1902. Т. 48. Кн. 4. С. 139–142.

при больших ее нагонах¹. Лишь при сильном южном ветре островок превращался в полуостров². В Госархиве г. Севастополя, в архивном фонде Херсонесского монастыря, хранится документ от 2 июля 1910 г., в котором Управление Херсонесского первоклассного св. Владимира монастыря сообщает в Таврическую Духовную консисторию, что не решается начинать дело о приобретении у отставного адмирала, помещика М. Я. Баля островка в Казачьей бухте, связанного с преданием о том, что здесь хранились св. мощи муч. Климента Римского: «остатки стен бывших там зданий лежат почти на одном уровне с поверхностью окружающей бухты, а нижние основания – ниже поверхности воды»³. Значит, пойти на постройку в столь неудобном месте херсонитов могла заставить только память о происшедшем здесь легендарном событии, прославляющем величие, всемогущество и славу Бога и пронизывающая из этого церковная традиция, которую они продолжали свято соблюдать вплоть до гибели города. Вместе с мощами святого мученика все это заслуживало особого поклонения как мученический двойного значения, в некотором роде сравнимый с прославленным иерусалимским Храмом Гроба Господня.

Характер кладки стен и их направление ясно доказывают разновременность некоторых построек: достаточно указать на помещения гробничного храма, первоначальные очертания которого совершенно исказили позднейшие стенки⁴. Наиболее ранними на месте раскопок оказались три бронзовые херсонско-византийские монеты Василия I, Романа I и Романа II (если не считать четырех римских монет V в. – Констанция III, Льва I и еще двух неопределенных, которые, как правило, очень долго находились в обращении)⁵. Поэтому они могут свидетельствовать в пользу того, что постройка, а точнее, восстановление, расширение комплекса с храмом – мучеником, по преданию конца IX–X вв., первоначально «...воздвигнутого руками ангелов» (*angelicis manibus praeparato*), состоялась, скорее всего, вскоре после обретения мощей, как и полагал А. Л. Бертъе-Делагард⁶. Некото-

¹ Бертъе-Делагард А. Л. Древности южной России. Раскопки Херсонеса. С. 63.

² Косцюшко-Валюжинич К. Важное археологическое открытие... С. 60.

³ См.: Соиов Л. Камни... преткновения? // Слава Севастополя. 2001. 1 декабря (№ 225). С. 3.

⁴ Отчет о раскопках в Херсонесе (главная площадь, «базилика в базилике», у западных стен, на северном берегу, за южной оборонительной стеной, в Стрелецкой и Казачьей бухте). 1888–1890 годы // Архив НЗХТ. Д. № 1. Л. 28, 42, 44.

⁵ Производство археологических раскопок в Херсонесе // ОАК за 1890 год. С. 37.

⁶ Производство археологических раскопок... С. 36–37; Бертъе-Делагард А. Л. Древности южной России. Раскопки Херсонеса. С. 60–61.

рые рукописи VIII в. с текстом сочинения диакона Феодосия «De situ Terrae Sanctae» (первая треть VI в.) сообщают, что херсониты, «народ и священники» (*populus et sacerdotes*), приезжавшие из города в судах (*in barcae*), поначалу устраивали на месте чествования памяти св. Климента, рядом с его гробницей (*arca*), временный алтарь и раскидывали легкие навесы (*tenduntur super se papiliones et ponitur altarem*), и, значит, монументальный храм появился не сразу¹. В таком случае мы имеем дело с двумя строительными периодами – ранневизантийским, когда здесь в лучшем случае существовала небольшая мемориальная постройка с гробницей (*arca*) (ее остатки в виде невысокого холма – «*in aservo*» – открыла благочестивая экспедиция на остров во главе с архиепископом Георгием 30 января 861 г.), и конца IX в., когда на ее месте после довольно длительного запустения, наступившего с конца VIII – начала IX вв. ввиду обострения политической ситуации в Таврике, был отстроен архитектурный сакральный ансамбль с храмом (*templum*) для монашествующих и паломников, окруженный периволом.

Не исключено также, что в запустении памятного места сыграло свою роль постепенное поднятие к VIII в. уровня Черного моря приблизительно на метр-полтора выше современного (*mare quippe fluctus suos ad nonnullos retractos spatia in proprios sinus collegerat, mare fluctus suos in pristinas stationes refuderat* – «море собрало волны в свои бухты», – вторили друг другу Анастасий библиотекарь и агиограф Итальянской легенды), после чего к X в. последовало резкое понижение даже ниже современной отметки², что и позволило развернуть на низменном островке строительство более основательного комплекса прославленного православного мученика. Учитывая его удаленность от города, мотивация паломничества сюда могла быть связана исключительно с поклонением святыне, а не с популярным путешествием по своим делам³. Уединенность места не оставляла много выбора ни богатым, ни простым странникам.

---

¹ *Феодосий*. О местоположении Святой Земли начала VI века / По рецензии Гильдмейстера издал, перевел и объяснил И. Помяловский // ППС. СПб., 1891. Т. 10. Вып. 1. С. II–III, 5, 17–18, § 54. О датировке этого раздела сочинения см.: *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г. Ю. Ивакин. Харьков, 2005. Ч. 1. С. 93–94.

² См.: *Золотарев М. И.* Портовые сооружения Херсонеса Таврического в Карантинной бухте // *Х. сб.* 2004. Вып. 13. С. 62–63, рис. 5.

³ Ср.: *Akten des XII. internationalen Kongresses für christliche Archäologie. Bonn, 22–28 September 1991. Città del Vaticano; Münster, 1995. Bd. I. P. 1–9.*

Список сокращений

- ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей.
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии.
МАР – Материалы по археологии России.
НЗХТ – Национальный заповедник «Херсонес Таврический».
ОАК – Отчеты имп. Археологической комиссии.
ППС – Православный палестинский сборник.
Х. сб. – Херсонесский сборник.
ВВІ – Byzantino-bulgarica.
Вyz. – Byzantion.